

196 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Сергей ДАВЫДОВ

г. Петрозаводск

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

НАЧАЛО ПУТИ

По гороскопу я – Близнец, воздушный знак. Возможно, поэтому меня всегда тянуло за порог дома, а часто и за черту города. На склоне лет, перебирая факты своей жизни, я неожиданно для себя самого осознал, что вся моя жизнь, начиная с младенческих лет, по существу, одно непрерывное путешествие.

Оно началось в августе 1941 года с эвакуации из окружённого немцами Ленинграда. Довоенные летние выезды на дачу я, честно говоря, не запомнил, хотя они были, причём каждое лето наше местопребывание менялось. Я слышал от родственников позднее такие названия, как Осьмино, Всеволожская, Лисий Нос. Кстати, именно в Лисий Нос мы успели выехать, прежде чем началась война. Срочно пришлось возвращаться в Питер.

Маму, врача-педиатра, назначили доктором детского интерната, готовившегося к отправлению в эвакуацию. Кроме меня, она взяла с собой ещё десятилетнего племянника Шурика Горелова, который на долгие годы оказался моим защитником и наставником в познании жизни. Папа остался в Ленинграде. Из-за плохого зрения его не призвали в армию, но активно привлекали к оборонительным работам.

Начало пути отметилось бомбёжкой нашего состава немецким самолётом. К счастью, безрезультатной. Паника, по-моему, коснулась преимущественно взрослых. Я, например, гораздо больше переживал, когда мама с одной из сотрудниц на стоянке пошли за кипятком и отстали от поезда. Остановки не были нормированы: они были то бесконечно долгими, то неожиданно краткими, как в тот раз. Удачно, что одна из последующих затянулась и они смогли догнать нас на попутном составе.

Более-менее благополучно нас доставили в село Овсянниково Ярославской области. Этот период я помню весьма смутно. Остались воспоминания о двух довольно забавных случаях. Первый – мытьё в русской печи, куда меня, словно Жихарку, засунула мама (конечно, после того как печь протопилась и слегка подостыла). Я сидел там в каком-то тазу, а на голову мне поливали тёплую воду. С того ли времени или нет, но я долго не любил, когда мне мылили голову, а потом начинало щипать в глазах.

Второй эпизод драматичнее. Дело в том, что у дома, где мы поселились, не было традиционной уборной. Зато была изгородь, за которую загоняли скот. Она-то и служила посадочным местом для справления нужды. Однажды, уже в сумерках, Шу-

рик с приятелем пошли к этой изгороди, а через некоторое время примчались домой с незастёгнутыми штанами, с криками: «Немецкие пушки стреляют! Бой идёт!» Все выскочили на крыльцо. Вдалеке, на самом краю горизонта, были видны какие-то сполохи. Оказалось, однако, что это вовсе не артиллерийская стрельба, а зарницы, поскольку вскоре и над нами засверкали молнии и донеслись раскаты грома. Напугали мальчишек неожиданно начавшаяся осенняя гроза и рассказы о приближении фронта.

Но фронт действительно приближался. Поэтому нас вместе с интернатом, несмотря на зимнее время, посадили в теплушки и малой скоростью отправили подальше, за Урал. Выгрузили в Кургане, который тогда ещё был одним из райцентров Челябинской области, и поселили за 40 км от города в селе Галишово, где мы и пробыли до окончания военной кампании.

Галишовские воспоминания оказались куда ярче овсянниковских. Запомнилось многое, причём, как ни странно, с первого же дня. Для нас с мамой сняли комнату в одном из деревенских домов. Дом ли был низенький или сугробы были такими огромными, что почти закрывали окна. Когда мы с братом вышли на улицу погулять, эти сугробы привели нас в неопишуемый восторг. Шурик, подобно локомотиву, старался пройти сквозь сугроб, а я, как маленький прицепной вагон, храбро двигался за ним, видя перед собой только его ноги и спину.

Не удивительно, что, вернувшись домой, мы оба оказались обсыпаны снегом буквально с головы до ног. Досталось же нам от мамы! Больше, конечно, старшему брату.

Я был зачислен в интернат, в младшую группу, но иногда мама брала меня ночевать домой, особенно когда я болел. Я был ещё настолько мал, что вполне помещался на хозяйском сундуке. Чуть позже освоил хозяйские полаты. С них научился перебираться на тёплую печь, на которой была расстелена овчина, спасавшая от ожогов или перегревания.

От эвакуации у меня осталось ощущение, что в Сибири хороши все времена года. Долгие зимы и крепкие морозы на удивление довольно легко переносились. Нравилось, когда Шурик или мама катали меня на деревенских санках, более массивных и тяжёлых, чем городские. А через год, наверное, меня уже поставили на первые в моей жизни деревянные лыжи. Не с того ли времени сохранилась у меня особая привязанность именно к лыжному спорту?

Весна в деревне тоже была удивительна. Когда стаивал снег и обнажались перед окнами домов

так называемые завалинки, на них выходили посидеть старики и старушки, одетые в тулупы или полушубки и валенки, подшитые кожей. Они сидели, уютно устроившись на этих завалинках, радуясь тёплому солнцу и какому-то особому аромату чёрной сибирской земли, что быстро протаивала у них под ногами.

Когда-то, ещё в молодые годы, на кафедре терапии в Петрозаводске я полушутя рассказал сослуживцам о моём желании в старости вот так же посидеть на завалинке в подшитых валенках, или пи-мая по-сибирски. Одна из наших ассистенток, самая, пожалуй, дотошная, потом всё донимала меня вопросом: «А на даче вы сидите иногда на завалинах весной?» Что ей ответить? Нет же, конечно. Весной на даче совсем нет времени сидеть. Да и завалин на наших домиках почему-то нет...

А лето курганское вообще особенное. Оно короткое, но очень тёплое. В огороде растёт всё, что возможно.

Однажды Шурик показал мне какой-то кол, воткнутый в землю, на котором неожиданно стали раскрываться листочки и веточки. Подсолнухи, рослые, едва держащие свои мощные головы, украшали огород, сходявший от дома к речке Юргамыш – притоку знаменитого Тобола. Там, у излучины, были заросли ивняка, и там Шурик, а позднее и мой отец, чудом спасшийся от тяжёлой дистрофии и вывезенный из блокадного Ленинграда, ловили карасей, окуней и чебаков.

К слову сказать, моего отца неожиданно эвакуировали. Видимо, сыграло роль его письмо Иосифу Сталину с предложениями навести порядок в осаждённом городе. До вождя письмо, конечно, не дошло, но городское начальство выслало беспокойного активиста в 24 часа.

Запомнились первые мои летние походы: с интернатом – на Солёное озеро, мелкое, с белым от соли дном, где нам, малышам, разрешали купаться. И с родителями – ещё дальше, километра за 3-4, за рощей, где мы собирали замечательную сибирскую ягоду – лесную клубнику. Ни у земляники, ни у садовой клубники никогда я не ощущал такого удивительного вкуса и аромата! Память сохранила его до сих пор. Когда мне доводилось бывать в командировках в Екатеринбурге, Челябинске или Красноярске, я всегда спрашивал про лесную клубнику, но никто из городских местных жителей не смог ответить мне про неё утвердительно.

С наступлением первой весны (1942 г.) у меня появились два врага. Одним, точнее, одними из них, были гуси, которые свободно гуляли по улице. Они пугающе шипели, вытянув шеи, и к тому же

преобольно щипались. От них надо было защищаться прутом или палкой. А вторым – и главным – оказался хозяйский поросёнок Борька. Завидев меня, он стремглав бросался в мою сторону и норовил сбить с ног. Тут палку не успеешь взять! Спасал Шурик. Но потом я приноровился забираться от поросенка повыше, на угол избы, чтобы он не мог меня достать, и держался, пока его не отгоняла хозяйка. Через год его не стало. Да и я уже подрос и крепче держался на ногах. К тому же пообвыкся с деревенской жизнью и уже не очень боялся гусей и свиней.

В освоении сельских обычаев мне помогала одна из подружек, жившая через дорогу наискосок от нашей избышки. Имя у неё было редкое и звучное, поэтому, наверное, хорошо запомнилось – Мина. Мина Мезенцева. Шурик потом мне сказал, что в Галишове чуть не половина была Мезенцевых, а другая – Меньшиковых, как у наших хозяев.

У Мины тоже был старший брат – Шурка. Интересно, что она звала его – Уля, а я своего довольно долго называл – Удик. Иногда мы гуляли вместе с ней, собирали цветные стёклышки от разбитых фаянсовых чашек или блюдец. Некоторые осколки были очень красивыми, с частью какого-нибудь цветочка или узора. Любовь к красивым чашкам и сервизам у меня в последующем была умеренной. Зато страсть к коллекционированию камней-минералов, особенно цветных, поделочных, которые я начал собирать ещё в школьные годы, возможно, как-то связана с этими первыми деревенскими находками.

Однажды, когда мы с Миной были у них во дворе, её мать пригласила нас обоих к столу – «паужнать». И тут я получил один из уроков, из тех, что запоминаются на всю последующую жизнь. Все уселись на деревянные скамьи, и мать выставила на стол большую сковороду, вытянутую ухватом из русской печи.

Одним из любимых блюд в то время у местных жителей была картофельная запеканка – «толчёнка». Варёную картошку толкли, но пюре не ели, а, долив немного молока, ставили в только что прогоревшую печь. В отличие от газовых и электропечей, жар действовал со всех сторон, сверху образовывалась румяная аппетитная корочка.

Мне, как и всем, дали деревянную ложку, которой я ещё ни разу в жизни не пользовался. Хозяйка, в том числе и дети – Мина и Шурка – ели аккуратно, как взрослые, каждый со своей стороны сковороды. Городской мальчик, то есть я, не привыкший есть из общей посуды, хватил своей ложкой чуть не из середины. Все засмеялись. Я повторил свою операцию под общий смех и одобрение.

Реакция Мезенцевых всё та же. И только чуть позднее я понял, что они смеются над моими нелепыми и даже неприличными действиями.

Так жизнь приучала к тому, чтобы впредь быть более внимательным и осмотрительным. А запеканка запомнилась надолго как замечательно вкусное кушанье. Его галишовские крестьяне могли есть по три раза на день. Благо с картошкой из голбеца, т.е. подпола, как правило, перебоев не было. И моя любовь к картошке тоже продолжалась все долгие годы.

Вот каким образом я постепенно знакомился с жизнью и бытом сельских жителей Западной Сибири. Моё положение интернатского мальчика и одновременно докторского сына давало мне большое преимущество перед ребятами из моей группы. Я видел крестьянский уклад и в хозяйском доме, и у соседей. Иногда мама брала меня с собой, когда её как доктора приглашали к кому-то из деревенских.

* * *

Не сразу после Дня Победы, а лишь в начале сентября 1945 года нас отправили обратно в Ленинград. Правда, уже не в теплушках, а в обычном поезде. Мы возвращались вчетвером: мама, Шурик, я и мой годовалый братик Юра. Отец оставался в Кургане, где служил адвокатом в юридической консультации. Проживание в Питере ему было временно запрещено из-за упоминавшегося мною письма товарищу Сталину.

Наш состав прибыл на Московский вокзал, где нас встречал мой дед, отец матери. Вместе с ним мы вернулись в свою квартиру на Петроградской стороне. Она была «отдельной», т.е. не коммунальной, которые были более типичными для тех времён. Большая кухня с плитой, топившейся дровами, и две маленькие комнаты (25 кв. метров на обе). Газа тогда ещё не было, а электричество использовалось только для освещения и нагревания маленькой плитки, спираль которой часто перегорала из-за перепадов напряжения. Зато в кухне пыхтел примус, направлявший керосином.

Это всё было необычно, поскольку довоенную жизнь я не помнил. Высокие, по сравнению с деревенскими, пяти-шестиэтажные дома чередовались с развалинами – последствием бомбёжек и артобстрелов. Чуть позже эти развалины разбирались пленными немцами, которых отправляли потом и на строительные работы.

В целом Питер производил тогда довольно унылое впечатление. Только дребезжащие и позванивающие на поворотах трамваи оживляли об-

щую картину. Везде были очереди: по карточкам выдавались хлеб и батоны, в специальных лавках – керосин.

Поскольку занятия в школах уже были в полном разгаре, мне пришлось выдержать небольшой экзаме́н и обязательный трёхнедельный карантин.

В Ленинграде мы прожили два года, я уже перешёл в третий класс, когда летом 1947 г. мама объявила, что мы с ней и Юрой отправляемся к папе в Курган, останемся там на какое-то время и я буду учиться в курганской школе. Так вышло, что в девять лет я вторично по железной дороге пересёк границу между Европой и Азией. И ведь мне предстояло сделать это ещё не единожды. В 1954 году – во время летнего туристического похода, когда мы пешком пересекли Уральские горы с западных склонов на восточные. Даже постояли у памятного столба «Европа – Азия». В 1957 году во время летних студенческих каникул я принял участие в уборке урожая зерновых в Казахстане. Мы снова, как и в военном 41-м году, в теплушках с двойными нарами, пересекали эту границу. Тогда ещё в нашем вагоне возник большой спор, станем ли мы азиатами, если будем жить в Азии...

* * *

Вернёмся, однако, к 1947 году. Если с бытом сельских жителей Сибири я неплохо познакомился ещё во время эвакуации, то теперь, почти подростком, я полтора года прожил в среднем по величине провинциальном городе.

Курган незадолго перед этим из райцентра превратился в областной город. В нашем «микрорайоне» было довольно много деревянных домов за высокими заборами с красивыми сибирскими воротами и дощатыми тротуарами вдоль улиц.

Надо признать, жизнь эта мне понравилась. Отец снимал комнату в одном из таких домов почти на окраине, в районе старицы. Основное русло известной многим из русской истории реки Тобол проходило чуть в стороне. Зимой и река, и старица замерзали, покрываясь толстым слоем льда и снега. Можно было чуть ли не от самого дома под уклон катиться на лыжах вниз до конца улицы, которая сворачивала направо, а затем резко повернуть влево и съезжать мимо штабелей брёвен и каких-то сараев по довольно крутому склону к старице. От скорости дух захватывало!

Внизу снега было больше, лыжи вязли и тормозили, что приводило к частым падениям. И хотя лыжи у меня были небольшие, деревянные, с мягкими креплениями для валенок, всё равно это было здорово! Видимо, с тех пор и началась моя

большая любовь к зимним видам спорта, особенно к лыжам. Сохранилась она и до сих пор, поскольку ни одного сезона, несмотря на возраст, я не провожу без регулярных лыжных пробежек. Правда, теперь они проходят уже не по тундрам или горам, а по нашей петрозаводской лесной трассе. Могу пройти и до «Фонтанов». За сезон прохожу 250-300 км. Сохранились и натренированные с детства координационные способности, позволяющие благополучно скатиться с весьма крутой горки.

А вот к конькам я оказался привязан значительно меньше. Помню, как в послевоенном Кургане по улицам ещё проезжали зимою конные повозки на полозьях, а мы, мальчишки на «снегурках», примотанных ремнями или верёвками к валенкам, норовили незаметно уцепиться руками за спинку саней и какое-то время прокатиться. А в Питере наиболее отчаянные паренки умудрялись крючьями цепляться даже за задний борт грузовиков. Но это было уже сопряжено с большим риском.

Бег по кругу на катках, в толпе, в более позднем возрасте меня впечатлял гораздо меньше, хотя и музыка гремела, и коньки были уже вполне приличные – «хоккейки», и держался я на льду весьма уверенно.

Второй вывод, который напрашивается сам собою после полутороговой курганской жизни, оказался ещё более судьбоносным: в средних по величине городах мне всегда гораздо комфортнее, чем в мегаполисах. Это касалось и родного Ленинграда (Санкт-Петербурга), да и Москвы, где приходилось бывать в командировках и на учёбе довольно часто, а иногда и проживать там подолгу. Поэтому, когда после женитьбы на петрозаводчанке Светлане Медведевой я неожиданно для себя вместо Новгородской области перераспределился в Карелию и оказался в Петрозаводске, сразу как-то почувствовал себя в «своей тарелке». В отличие от многих своих сокурсников, даже не ленинградцев, которые стремились во что бы то ни стало оказаться поближе к альма-матер, я предпочёл оставаться в столице Карелии, а в Питер попадать лишь наездами.

Резко континентальный сибирский климат с морозной зимой и тёплым летом мне, видимо, неплохо подошёл. Если в детстве, включая войну и ленинградский период, я довольно часто болел, то после жизни в Кургане болеть практически перестал. Кстати, и карельский климат для меня оказался более подходящим, нежели питерский. Моя амбулаторная карта так и осталась тощей, поскольку к врачам я практически не обращался.

Сказалось, наверно, и то, что я с детства-отро-

чества начал сознательно закалять свой организм. Но это начало проявляться уже в Ленинграде, куда мы вместе с отцом вернулись осенью 1948 года.

Первые походы и путешествия

Отец как-то рассказал позабытую уже мною весьма забавную историю о том, как вся наша семья летом приехала на дачу, на Сиверскую, где мама выполняла роль врача в выездном детском саду. Ей выделялась отдельная комната. Мне было тогда лет 11-12, не больше. Поставили для меня какую-то железную кровать, с которой я, к удивлению старших, сразу же снял матрац. На доски – а кровати тогда далеко не все имели пружинное основание – положил тонкое одеяльце и простыню. Так я и проспал всё лето.

Мы провели на Сиверской два или три сезона. В актив физических летних тренировок того времени могу занести утреннюю зарядку, игры в футбол и городки, прогулки с друзьями по окрестностям, нередко босиком, купание в реке Оредеж. Эта живописнейшая речка Ленинградской области извиливается «среди крутых бережков» из ярко-оранжевого песчаника. Именно здесь я научился плавать по-настоящему, то есть до такой степени, чтобы переплыть Оредеж. Возможностей и моды учить детей плаванию в бассейнах тогда ещё не было.

По выходным приезжал отец, часто мы с ним и младшим братом брали лодку, я садился за вёсла. Отец с удовольствием командовал:

– Прямо!.. Табань!.. Разворачивай!.. – и так далее.

Особенно ему нравилось, когда, вопреки правилам эксплуатации лодок, я вставал на корму и прыгал ласточкой в воду.

Конечно, всё это в той или иной мере способствовало закалке и тела, и духа.

Тяга к путешествиям начала проявляться у меня уже с младших классов. Я много читал о морских и пеших походах и приключениях. Среди них были «Робинзон Крузо» Дефо, «Таинственный остров» Жюль Верна, «Морской волчонок» Майн Рида, все истории о Следопыте Фенимора Купера, «Великие русские путешественники»... Особенно запала мне в душу книжка о покорителе Антарктиды Руале Амундсене, который с детства начал готовить себя к большим походам.

Вскоре настоящие походы надолго вошли и в мою жизнь, став для меня чем-то настолько же естественным и необходимым, как хлеб, вода или воздух.

Когда мы учились в 5 или 6 классе, наша учи-

тельница географии Лидия Петровна Васильева сумела привлечь энтузиастов в свой школьный туристский кружок. Почти каждый выходной она организовывала коллективные вылазки на природу, причём походную тренировку сочетала с начальными научно-прикладными занятиями. Так, среди нас появились гидрологи, ботаники, зоологи и т.д. Помню, что поначалу я попал в группу «метеорологов» и первое, чему научился, – определению облаков: кучевые или слоистые...

Но меня особенно потянуло к сбору камней, т.е. к началам геологии. Коллекцию минералов я стал собирать именно с того времени и продолжал на протяжении всей жизни, пополняя её везде, где удалось побывать: на Урале, в Крыму, на Тянь-Шане или на Кольском полуострове... А окаменелости древних обитателей морей (трилобиты, белемниты – «чёртовы пальцы») мы находили под Ленинградом на отвалах по берегам речек Тосны и Саблинки.

Первый многодневный поход, в котором я принял участие по окончании 7-го класса летом 1952 года, оказался прямо-таки символическим – в Карелию.

Мы приехали в Петрозаводск, выгрузились на старом вокзале (новый появился позднее) и с рюкзаками за спиной долго-долго добирались до одной из отдалённых школ (куда-то за ул. Чернышевского), где нам отвели «для постоя» один из классов. Кроватей не было, спали прямо на полу, к чему я, например, был уже вполне подготовлен. Рюкзак заменял подушку, а лёгкое байковое одеяло служило ещё и подстилкой. Мама уговорила меня взять с собой наволочку («её можно набивать сеном»), а я иногда надевал её на голову.

Когда мы уже двигались по сельской местности, нас одолевали комары, и наволочка на голове в какой-то мере спасала от их укусов.

Однажды мы ночевали в доме, хозяин которого предложил желающим устроить себе ночлег на чердаке. Конечно, я оказался в их числе. Не успели мы заснуть, как вдруг послышалось тонкое неприятное гудение – полчища комаров напали на нас! То ли окно было приоткрыто или разбито, то ли щели на чердаке были велики, но такого нашествия, точнее налёта, комаров я не припомню. Никакая наволочка не могла спасти от них. Хороших средств отпугивания этих насекомых у нас тогда не было. Да и позже, когда они появились, я старался реже прибегать к их помощи из-за резкого неприятного запаха.

После Петрозаводска мы побывали в Кондопоге, где прежде всего посетили ту самую чудесную деревянную Успенскую церковь, которая позднее

сгорела, а ещё позже была восстановлена. Пешком дошли до водопада Кивач и до Белой горы, где проводились разработки мрамора. Помню, что во время марша я выполнял функцию замыкающего – роль в походе весьма значимую, поскольку всё время приходилось следить, чтобы кто-нибудь не отстал и не потерялся. К следующему большому походу через 2 года я уже «вырос» до начальника похода.

* * *

Однако лето 1952 года завершилось для меня ещё и большим путешествием на Волгу. Кстати, дед мой Николай Сергеевич Сазыкин, следовательно, и мама, и её братья-сёстры все были выходцами с Поволжья: село Кривозерье Нижне-Мовского уезда Пензенской губернии. Поскольку деда в 1931 году раскулачили и выслали, а дом его конфисковали, близких родственников у нас там не осталось, и деревню эту мы, к большому сожалению, не посещали.

Зато на одной из «Великихстроек коммунизма» – Куйбышевской ГЭС – младший из дедовых сыновей Алексей Николаевич, майор МВД, в недавнем прошлом – военврач, служил в должности начальника медико-санитарной части. Он-то и пригласил к себе в Моркваши погостить двух племянников: Шурика Горелова и меня, только что вернувшегося из Карелии.

Я, конечно, согласился не раздумывая и был очень благодарен маме за то, что она согласилась меня отпустить. Для неё, доктора с большим собственным сердцем, каждая моя отлучка всегда была тяжела и болезненна. А меня – хлебом не корми – ветер приключений так и гнал из дома. Отец к этим моим причудам относился спокойно, с пониманием, часто поддерживал меня.

Мы с Шуриком на поезде благополучно доехали до Куйбышева (Самары), а потом на пароходе плыли до Жигулёвска. Был июль, солнце пекло, жарило нещадно, очень хотелось пить. Ни воды, ни соков на корабле не оказалось. Было только пиво, причём почему-то не «Жигулёвское», а «Рижское». Я впервые в жизни пил пиво, к тому же тёплое, и заедал бисквитным печеньем – такая несовместимая гадость! Полюбил я пиво позднее, уже студентом. В 14 лет многое для меня было впервые: впервые увидел Волгу, впервые купался в этой великой русской реке, впервые ел стерляжью уху, которую к нашему приезду сварила жена дяди Лёни тётя Зоя.

Но главное – впервые я понял, как и кем создаются «стройки коммунизма». Подразделение МВД

охраняло лагерь заключённых, на территории которого располагалась дядина медсанчасть. Нам с Шуриком удалось побывать там: мы приходили в клуб, где смотрели кинофильмы вместе с охранниками.

Здесь же в первый раз у любимого дяди попробовал я пить водку, которую Шурик практически не переносил, а дядя обожал. Да, именно так четырнадцатилетний подросток знакомился с окружающим миром и реалиями жизни тех лет. Но эти реалии не отбили у меня охоты к познанию нового, а, скорее, наоборот – даже подогревали.

* * *

Не очень хорошо понимаю, как я смог пропустить школьный поход следующего, 1953 года. Вероятно, из-за мамы. Я всё же иногда уступал ей, но сожаления остались – ребята ходили на Валдай. А я всё лето провёл в посёлке Мельниково на Карельском перешейке, недалеко от Приозёрска. Младший брат Юра уже подросток, и мама стала выезжать летом не с детским садом, а с пионерлагерем. Место по-своему было очень красивое. Я активно занимался физкультурой и спортом и много читал. Собственно, читал я уже не приключенческую, а серьёзную литературу: зимой – пьесы Шекспира, а летом – «Войну и мир» Льва Толстого. Читал не быстро, но вдумчиво. Не пропускал ни мелкого шрифта, ни иностранных (французских) текстов. Возможно, был одним из немногих в классе, кто смог осилить все 4 тома «от корки до корки». Особенно интересными для меня оказались личности Пьера Безухова и Андрея Болконского. Уже начал задумываться о своём будущем: от «морьяка» перешёл к «геологу», следующей зимой начал посещать геологический кружок при Дворце пионеров на Невском у Фонтанки (в помещении Аничкова дворца).

Зато от похода на Урал после 9 класса я уже отказаться не мог. Мы ехали на поезде до Москвы, а оттуда – тоже поездом на Златоуст. Чудом сохранилась почтовая открытка, которую я писал в поезде, а отправлял домой уже с Урала. Привожу её дословно.

«Здравствуй, дорогой папа!
Мама и Юра, наверно, уже уехали в лагерь.
Передай им мой горячий привет и напиши маме, чтобы не волновалась.
Мы в пути уже третий день.
Путешествие наше идёт как по маслу.
Вчера к часу дня мы приехали в Москву.
Рюкзаки оставили у родных
одного нашего мальчика.

Пообедали в ресторане довольно просто,
но вполне сытно.

Нам удалось почти без труда закомпостировать
билеты на девятичасовой поезд,
и в оставшееся время мы совершили
на специальном автобусе экскурсию по Москве,
посмотрели её достопримечательности.
Сейчас я пишу в поезде.

До Златоуста у нас плацкарты, очень удобно.
До свидания. Серёжа. 07.04.1954»

Такого содержательного по информации похода не припомню. Мы побывали не только в Златоусте, но и в Миассе, и в Карабаше. Где-то между ними переходили с Западного Урала на Восточный. Вела нас проводница, молодая женщина. Мы от комаров закутывали лицо, шею и другие открытые части тела, а она держала в руках небольшую ветку, которой периодически легонько помахивала перед собою. Как только перешли на восточные склоны, на удивление, комары пропали. Может, просто здесь ещё не вывелись – ведь они воинствуют не постоянно, а как бы по сменам. Но жизнь без них стала гораздо веселее.

Мы пополняли свои коллекции уральскими самоцветами, вплоть до яшмы и кристаллов горного хрусталя (прозрачных и тёмных – морионов). Малахита, правда, не попало.

Потом мы переехали в Челябинск, затем в Свердловск. Здесь Лидия Петровна, указав на одно из зданий, сказала: «В этом доме была расстреляна царская семья». Мы, молодые комсомольцы, как-то вяло восприняли её информацию. Позднее, когда Ипатьевский особняк уже был разрушен, я с благодарностью вспомнил о своей наставнице. В те годы это был, с её стороны, большой воспитательный поступок.

Заканчивали поход в Перми (Молотове) и Кунгуре. Одна из самых знаменитых в стране сталактитовых пещер – Кунгурская – ещё и первая из тех, в которых мне удалось побывать. Кстати, именно тогда я понял различие между сталактитами и сталагмитами. Одни свисают сверху и растут вниз, а другие, наоборот, снизу вверх.

За уральский поход мы получили красивые значки – «Турист СССР». Свой я сразу прицепил к лацкану пиджака. Этот значок немного помог мне через год при поступлении в медицинский институт. На экзамене по физике я довольно долго провозился с решением задачи, ответ явился лишь в самом конце подготовки. Экзаменатор, средних лет загорелая дама, во время опроса, взглянув на мой значок, неожиданно спросила: «Вы по какому маршруту ходили?» Я не сразу понял, о каком

маршруте шла речь, а потом рассказал ей кое-что о нашем походе на Урал. Она одобрительно кивала головой.

– Ну, задачу-то вы, конечно, решили? – почти утвердительно спросила она.

– Конечно, – в тон ей ответил я и показал свой листочек.

Пятёрка по физике для суммы баллов мне явно не помешала – конкурс был очень серьёзный.

На занятиях по физике на первом курсе мы снова встретились с ней. Фамилию её я запомнил – Трамбичкая, а имя и отчество, к сожалению, забылись. Она сама оказалась заядлой туристкой. Через два года, когда мы собирались на Кольский, именно она научила нас с Юрой Сенчиком вялить мясо, причём конину. Не скажу, что она вкуснее мясной тушёнки из консервной банки, но значительно легче – это точно!

Развесёлыми студенческими тропами

Первый вопрос, который может возникнуть у каждого, кто прочитал предыдущую главу: а почему медицина? Собирался ведь стать геологом или путешественником...

С выбором профессии действительно всё было не просто. Но школьным учителем географии я становиться не хотел, а с геологией было посложнее. Я даже всерьёз задумывался, куда поступать: в Горный институт или на геологический факультет ЛГУ. Но по мере занятий в геологическом кружке стало ясно, что геология наполовину, если не целиком, – химия. А химию я, честно говоря, не любил.

С детства я больше склонен был к гуманитарным наукам – истории и литературе. Писал толковые сочинения, сам пытался кое-что сочинять. Мешало то, что мама называла «разбрасыванием». Интересовался тем-другим, бросал, хватался за третье. Позднее понял: для меня как для истинного Близнеца всегда наиболее важен процесс (процесс поиска, осознания, решения...). Как только находился просвет или «дорога» к решению – интерес спадал, и я искал уже новую задачу. Даже вывел свой алгоритм: процесс важнее результата!

Хорошо это или плохо? Не знаю, для Стрельцов, например, или для Скорпионов результат однозначно важнее поиска. Для меня – наоборот. К окончанию школы я уже понял: геологом не буду.

Дилемма была в другом: литератором или врачом? Мой двоюродный брат и наставник Шурик Горелов, который был старше на 7 лет, нашёл себя в литературоведении. Он окончил уже

филологический факультет ЛГУ и работал в журнале «Нева».

Он сказал мне:

– Пойми, писатель – это не профессия, а призвание. Вот врач – это профессия! Да ещё какая! А писать сможешь и будучи врачом.

Сам я о профессии медика не мечтал, хотя медицина окружала меня с детства. Помимо мамы, врачей в нашей большой давидовско-гореловско-сазыкинской семье насчитывалось ещё человек семь. Среди них были и хирурги, и терапевты, и педиатры, и организаторы здравоохранения. Все они любили свою специальность и хотели, конечно, чтобы кто-то из молодого поколения пошёл по их стопам. Но выбрали эту стезю только двое: одна из моих двоюродных сестёр – Нина Сазыкина и я.

Причём, даже поступив в 1-й ЛМИ, первые два-три года, пока не начались занятия в клинике, я ещё колебался и нередко возвращался к мысли: туда ли я попал? Работа с больными и решение диагностических задач сняли все вопросы. Я понял – это моё. Но страсть к путешествиям и приключениям у меня отнюдь не пропала.

Ещё на первом курсе я взял в обычай вместе с одним из моих бывших одноклассников совершать лыжные вылазки – «походы выходного дня». По субботам после занятий мы садились в пригородную электричку, выходили на одной из станций, надевали рюкзаки и лыжи и шли по заранее составленному маршруту километров 10-15 до намеченного пункта. Там просились в какой-нибудь дом на ночлег. Обычно нас пускали, поили чаем, а иногда чем-то горячим даже прикармливали. Спали мы на полу, рюкзаки под головой. Утром вставали на лыжи и ещё километров 15-20 проходили до очередной станции, с которой поездом благополучно возвращались домой.

Помимо хорошей спортивно-туристской тренировки, это давало возможность познакомиться с бытом северных жителей. Ещё больше их жизнь мы постигали во время наших студенческих выездов на картошку (каждой осенью), на лесоразработку, косьбу или мелиорацию (летом, обычно по желанию). Желание, как правило, находилось.

Так мы изучили и Карельский перешеек, куда обычно устремляются туристы, и другие районы Ленинградской области. На втором курсе мы с одноклассником Юрой Сенчиком вошли в число институтских туристов и зимой совершили с ними агитпоход по Лодейнопольскому району. Помню, что были в Паше, Алёховщине и, конечно, в райцентре – Лодейном Поле.

Я не буду подробно описывать этот поход, поскольку он не был очень сложным. Особенность его

была лишь в том, что мы почти в каждом пройденном пункте проводили встречи с населением: читали лекции и давали концерты. Пел сводный хор, и каждый, кто мог, что-то исполнял. Я, например, читал «Стихи о советском паспорте» Маяковского.

Среди участников похода оказалась студентка четвёртого курса, заядлая парашютистка. Она сгитировала нас прыгнуть с парашютом с аэростата, с высоты 400 метров. Знатоки сказали, что это гораздо страшнее, чем с самолёта, поскольку видна земля и раскачивается гондола. Мы совершили позднее по 2 прыжка, за что и получили значки «Парашютист СССР».

Понимание, как организуются большие походы, позволило нам с Сенчиком через год, как раз после зимней сессии, организовать достаточно сложный поход студентов преимущественно своего, третьего, курса на Кольский полуостров. Этот поход оставил яркий след в нашей жизни. По возвращении мы с несколькими друзьями собрались у меня дома и в течение ночи сочиняли художественный отчёт об этом походе. Он был опубликован в институтской газете «Пульс» 22.03.1958 г. К счастью, газета эта у меня сохранилась, и я позволю себе привести статью полностью, а потом дать ещё небольшой комментарий.

Пятнадцать дней в тундре.

Заметки участников агитпохода по Хибинам

Петроградский райком комсомола за агитпоходы, проведённые в дни зимних каникул, присудил 1-е и 3-е места студентам нашего института. Первое место присуждено участникам похода по Бокситогорскому району (капитан А. Белкин), третье место – по Хибинам (капитан Ю. Сенчик).

Бесконечная, горбатая, простирающаяся на тысячи километров тундра и мерно шагающая по ней между скрюченными, замороженными свирепым ветром берёзками цепочка людей. Вокруг слышится только вой да метёт гнетущая, уничтожающая всё живое позёмка. Крутится, вертится без начала и конца ледяная пустыня, заставляя спасаться всё, что может дышать, двигаться. Сильнее и безжалостней хлещет снегом ветер. Ещё немного – и разразится пурга.

Сжавши зубы, идём сквозь белую злую мглу. Вперёд, только вперёд!

Беспредельная снежная равнина – это Хибинская тундра, цепочка людей – мы, студенты-медики, совершающие агитпоход по маршруту второй категории трудности.

Не описать всего, что мы испытали за 15 дней пути, но некоторыми любопытными фактами попытаемся поделиться.

Первый вестник Севера

«**С**тучат вагончики по перегончикам, за перегонгом перегон...» И вот станция Оленья, отсюда начинается наш маршрут. Первое, что мы здесь увидели, был плакат, холодом обдавший наши души: «Не забудьте застраховать свою жизнь». Рядом с ним стоял одетый в малицу местный житель из народности саами с упряжкой оленьей. **Первый вестник Севера!** Любопытные туристы с жадностью впитывали в себя всё новое, щупали шубу саами, смотрели глазами новорожденных на райду (оленья упряжка).

От Оленьей наш путь лежал в Ревду. Это большой обжитой посёлок. В какую избу зайти? Остановили свой выбор на доме с надписью «Агитпункт». Встретили нас там тепло. Мы много рассказывали о Ленинграде, нам – о Севере. Узнали, что Ревда – начинающий бурно строиться посёлок с горноразрабатывающей промышленностью, видимо с интересным будущим.

Вечером мы были уже в Ловозере. Видели северное сияние и ели котлеты из настоящего оленьего мяса.

На рассвете, простившись с членами райкома ВЛКСМ и поделившись с ними своим не столь уж богатым опытом организации агитбригад, мы отправились в путь.

Наши концерты

Было уже утро, когда с помощью трактора мы попали в посёлок Воронье. Кое-как позавтракав и выпив спирта, чтобы хоть немножко согреться после холодной и ветреной ночи, мы заснули.

Вечером помогли местным комсомольцам выпустить газету, посвящённую 40-летию Вооружённых сил СССР, и дали концерт. Перед концертом с докладом о Советской армии выступил П. Протопопов. Он выглядел очень солидно и, как бывалый лектор, скоро покорила аудиторию. Слушали его внимательно и, едва он окончил, попросили прочитать ещё. Тогда на трибуну вышел И. Цукерман. Рассказывал он об искусственных спутниках. Задавали много вопросов. На некоторые из них можно было ответить только с помощью сложнейших технических расчётов, а Илья умудрялся всё объяснить в двух словах.

Совместный хор выступил с триумфом. Номер сменялся номером. Зал всё более оживлялся и

пришёл в неопиcуемый восторг после басни Михалкова «Заяц во хмелю», исполненной С. Давыдовым и Б. Андреевым, и пантомимы «Рыболов», исполненной Ю. Сенчиком. Виктор Макаров был на высоте: дирижировал, пел, читал и... ругался с теми, у кого не было музыкального слуха. Ирина Сумкина, легко управляя своим красивым грудным голосом, спела «Когда идёшь ты на свидание». Ей аплодировали бурно и долго вызывали на «бис». Вдвоём пели Протопопов и Макаров грустные девичьи песни. Концерт окончился песней «Звонкий смех»: смеялись артисты, смеялся зал. Кажется, и те и другие были одинаково довольны.

Всего за две недели пути наша агитбригада выступила с пятью концертами и прочитала шесть докладов.

Опять в пути

Горы и снег. Сжимаясь от пронизывающего ветра в комочки, мы шли уже пятый час, и вдруг крик: «Волки!» Охотники (Давыдов и Сенчик) схватились за ружья, но стрелять не пришлось... Это были неизвестно откуда взявшиеся лайки.

Встречный ветер с силой давил на грудь. Его дыхание чувствовалось даже под ватником. Снежные льдинки колют лицо, руки в перчатках, как деревянные клещи, сжимают лыжные палки, из рваных ботинок торчат замотанные чем попало, примёрзшие к железкам крепления ноги... И всё-таки марш-бросок в 30 километров пройден! Забираемся на гору. Перед нами – прекраснейшие окрестности, и, что самое приятное, глубоко внизу различаем нужный нам посёлок. Даём приветственный залп-салют из всех ружей. При спуске с горы все легли трупам. Этой участи избежал только опытный альпинист Цукерман, обошедший гору.

Итак, мы в геологоразведочной партии. Нас приняли очень радушно, вкусно и обильно накормили. Вечером мы должны были давать концерт. Но до начала его оставалось ещё много времени, и наши охотники пошли за куропатками. Через два часа они вернулись с песней «По Дону гуляет казак молодой», тремя пустыми гильзами и трофеем. То была насаженная на палку продырявленная во многих местах перчатка. Даже издали мы не могли спутать её с куропаткой. Мы-то знали своих охотников!

На другой день у нас была днёвка, мы знакомимся с бытом рабочих, ходили на буровые вышки, побывали в колхозе. Последнее время кроме оленеводства здесь усиленно занимаются разведением коров. Начинают понемножку сажать картофель. Больница в селе большая, хорошо оборудо-

ванная, но квалифицированных врачей не хватает. И нас очень просили приезжать на работу к ним в колхоз.

Сон в зимнюю ночь, или Завоевание тундры

Нам предстояло провести несколько дней в ненаселённой местности. Для проверки потенциальных возможностей группы решили устроить тренировочную ночёвку в палатке при 25-градусном морозе. В комиссию по испытанию вошли три добровольца: Цукерман, Давыдов и Сенчик. Разбили палатку, и около часу ночи опыт начался. Олени плотным кольцом обступили палатку, жевали верёвки, наступали на зимовщиков, но были вынуждены удалиться под вой, несшийся из палатки.

В шесть утра зимовщики, почти не сомкнувшие за всю ночь глаз, выскочили из палатки и стали ломиться в первую попавшуюся дверь, очумело бормоча: «Холодно! Холодно!» Так плачевно окончилось наше завоевание тундры.

Чем быстрее проедешь, тем быстрее приедешь

Трудные метеорологические условия задержали продвижение агитбригады по маршруту на несколько дней, и, чтобы вернуться ко времени в Ленинград, мы были вынуждены согласиться на предложение начальника экспедиции тов. Еслева лететь на самолёте, порожняком возвращающемся в город. И не пожалели. Сколько радостных минут мы пережили, пролетая над бескрайними просторами Севера! Под крылом самолёта проплывали занесённые снегом селения, экспедиции, упряжки оленей.

Пятого марта мы вернулись в Ленинград. Поход прошёл хорошо. Все остались довольны и «заболели» неизлечимой болезнью, которая называется «туризм». Любой из нас никогда не забудет дней, проведённых в агитпоходе по Хибинской тундре.

С. Давыдов, Ю. Сенчик, Б. Андреев, В. Макаров, В. Энтин

Перечитываю нашу студенческую статью, и меня не оставляет ощущение сопричастности к тому времени, когда это происходило. А время было далеко не простое. Позади – война, во время которой почти каждый из нас находился в самых сложных условиях: кто, как и я, – в эвакуации, кто – в

блокадном Ленинграде, а кто – на оккупированной территории. У всех без исключения что-то из золотого детства было утеряно безвозвратно.

Послевоенное десятилетие – тоже не подарок: полуголодное, с очередями, карточками, разрухой и восстановительными работами. Северные колхозы и совхозы нищенствовали, не могли своими силами управиться с довольно скромными урожаями без помощи студентов. Вот нас и «бросали» спасать сельское хозяйство на территории Ленобласти, и не только. Большинство из нас побывало в Казахстане на уборке зерновых. Но если вспомнить все наши выезды (и колхозные, и походные), нет ощущения какой-либо ущербности. Скорее даже наоборот – остаётся ощущение полноты студенческой жизни, веры в свои силы и в лучшее будущее.

А из наших «Заметок...» о северном походе 1958 года напрашиваются выводы о нескольких слагаемых: романтизме, юношеской наивности и чувстве юмора. Да, юмора нам было не занимать. Он во всём: и в описании неудачной охоты, и проводимых нами концертах, с помощью которых, кстати, мы добросовестно отработывали выделенные на поход институтские субсидии, и в «эксперименте» с ночёвкой в палатке на морозе.

А ведь всё очень просто объясняется – мы не подложили ни лапника, ни вообще ничего под дно палатки. А спальники-то у нас были тонкие, примитивные и довольно ветхие. Всё снаряжение, включая лыжи с полужёсткими креплениями и старые ботинки, мы получали на институтском складе. На Север надо готовиться по-другому. Помните, я упоминал полярника Амундсена. Он опередил Скотта на пути к Южному полюсу именно благодаря лучшему снаряжению и продуманной организации своей экспедиции. Для его конкурента всё вообще тогда окончилось печально.

Приведу параллель нашему походу. Примерно в то же время произошла трагическая история с екатеринбургскими студентами при походе на Северный Урал – на перевале Дятлова. Споры о причинах их гибели ведутся до сих пор, одна версия сменяется другой. Возможно, избежать такого исхода удалось бы, если бы учитывались такие моменты, как выбор ночлега, предупреждения местных жителей... Очень важна и внутренняя атмосфера в группе!

Думаю, часть из нас при хорошем снаряжении и тщательной подготовке вполне могла бы пройти и по гораздо более сложному маршруту. Могу утверждать это с полной ответственностью и в доказательство приведу воспоминание, не вошедшее в общий отчёт.

Поход подходил к концу. Из-за непогоды мы задержались в одной из геологоразведочных экспедиций. У нас с Юрой Сенчиком была мечта – привезти домой олени рога. Неожиданно в посёлок приехали на двух райдах (олених упряжках) погонщики-саами. Мы с Юркой поинтересовались, есть ли у них в селении рога. Получив утвердительный ответ, мы решили разделить: Сенчик, как капитан, остался с группой, а я с Ильёй Цукерманом и Володей Макаровым отправился в саамский посёлок на этих же райдах. Там пришлось заночевать, а утром мы возвращались на лыжах, проделав 20 км по бездорожью сквозь начинающуюся пургу. За плечами у каждого из нас было по 3 пары оленьих рогов. Одну пару я потом отдал Сенчику, вторую – Володе Энтину. А третья долго висела дома над моим письменным столом.

Когда добрались до экспедиции, наших ребят в посёлке уже не было. Их отправили в Кировск на самолёте. Мы вынуждены были на два-три дня задержаться из-за пурги – ждали следующего самолёта. Продуктовые запасы закончились. Каково было удивление и радость, когда в нашу комнату вдруг просунулась чья-то мужская рука с хорошим шматом сала и буханкой белого хлеба.

– Нарубните, ребята! – сказал грубый голос, и рука исчезла.

Это было так кстати: умереть от голода в тот раз нам было не суждено.

Когда мы, тоже на самолёте, преодолели путь до Кировска, на железнодорожном вокзале нас поджидали все наши походники во главе с Юркой. Они сообща решили, что возвращаться домой следует всем вместе.

ПЕРЕПРАВА, ИЛИ ЭКСТРИМ – 58

Рассказ об одном первомайском велопробеге

В майские праздники 1958 года, незадолго до того дня, когда мне исполнилось 20 лет, я принял участие в велопробеге, который надолго – похоже, навсегда – врезался в мою память и о котором я уже давно собирался рассказать.

Той зимой во время каникул мы уже выполнили большой лыжный турпоход по Ловозерской тундре, что на Кольском полуострове. Чтобы получить разряд по туризму, требовалось в течение этого же года пройти ещё по одному из летних маршрутов достаточной сложности. Но летом нас ждала работа в мелиоративной бригаде, чего мы, как и

предыдущую поездку на целину, пропускать, конечно, не хотели.

За спортивными разрядами мы не шибко гонялись, но среди нас оказался один очень организованный и активный товарищ – Володя Макаров, по прозвищу Большой Олень. Высокий, стройный и очень выносливый парень. Он-то и начал убеждать меня и неизменного моего походного друга тех времён Юру Сенчика совершить авантюрный велопробег по маршруту Ленинград – Путешествие длиной в жизнь – Приозёрск – Ленинград. Причём за три дня!

Нам как-то сразу приглянулся такой почти невероятный вариант, и мы, ничтоже сумняшеся, дали согласие.

Велосипеды у всех троих имелись свои собственные, правда, не спортивные, а самые что ни на есть обычные – «дорожные». Помню, что мой был с маркой ХВЗ, т.е. Харьковского велосипедного завода. Тяжёлый, добротнo сработанный. Специально на них мы не тренировались, а пользовались лишь изредка, от случая к случаю. Однако когда потребовалось, сели и поехали. Сказалась неплохая общая физподготовка.

Первая часть пути была чисто спортивной: мы крутили педали и передвигались, после того как выбрались за черту города, довольно споро. Сделали небольшой привал, что-то пожевали и покатали дальше. Настроение было самое боевое. К тому же и солнышко пригревало, а весенний ветерок приятно освежал.

Основная дорога на Путешествие длиной в жизнь была хороша – асфальтовое шоссе, с которого нам пришлось через некоторое время свернуть на грунтовку. Дело в том, что собирались мы второпях и не успели даже оформить пропуска в погранзону. Володя Макаров убедил нас, что, дескать, обойдёмся и так, поскольку есть ещё одна дорога, объездная, где пропуска не потребуются.

– Ничего, – успокаивал он, – заедем в Путешествие длиной в жизнь с другой стороны.

При этом развернул карту и показал маршрут, где была обозначена эта дорога. Мы доверились ему и часам к шести вечера, проделав не менее сотни километров, докатили до реки Вуоксы.

К нашему удивлению, ни моста, ни парома, ни другой какой переправы через неё не было. Но дорога за рекой виднелась.

– Вот оно как, – потирая лоб, посетовал Сенчик. – Сейчас бы хоть какую лодчонку подыскать...

Мы ходили по берегу, и неожиданно судьба подкинула нам вариант. Хотя и весьма сомнительный. Недалеко от воды на песке не то стояло,

не то просто валялось довольно странное плавсредство – потрёпанная плоскодонка, напоминающая два сцепленных между собой фанерных корыта. Только пошире и подлиннее обычных. Зато в ней оказались две скамейки – по одной в каждом из отсеков, довольно высокие борта и в них даже два отверстия для уключин. Вёсел, естественно, не было.

– Не беда, – снова успокоил Володя. – Найдём что-нибудь!

Действительно, искали и нашли. Нашли две доски шириною в ладонь и длиной около метра или чуть побольше каждая. Если сидеть на скамье и опереть доску о колено, то получится что-то вроде короткого весла. Попалась ещё довольно длинная крепкая палка, которую можно было использовать как шест.

Да! Случаются иногда в жизни события, совершать которые можно лишь по наитию. Если подумать всерьёз о возможностях найденного судёнышка, вряд ли бы мы, взвесив все «за» и «против», когда-нибудь в него сели. Но мы были разгорячены, нацелены на достижение своей цели и вовсе не собирались отступать. Поэтому, загрузив в лодку велосипеды и рюкзаки, столкнули её на воду и забрались сами. Посудина нас выдержала.

– Ура! – крикнули мы все разом и тронулись в путь. Теперь уже по воде.

* * *

Легко сказать, тронулись. Двигались-то мы крайне медленно. Плавсредство наше одновременно обеими частями покачивалось на волнах. Ветер, которого мы почти не чувствовали на суше, здесь, на водном просторе, ощущался весьма сильно: охлаждал, а временами пронизывал до костей. Пришлось натянуть куртки и шапки, налечь на вёсла. До середины Вуоксы мы кое-как догребли, но потом лодку стало разворачивать по течению.

Неожиданно возникла мысль: «А что если... Если превратить велопоход в водный и, изменив маршрут, поплыть на нашей посудине по течению до той дороги, что ведёт от Приозёрска к Ленинграду?» Заманчиво показалось. Повернули лодку по течению, пошло гораздо веселее.

Хорошо было на воде. Чувствовались и простор, и свобода. А как легко дышалось! После утомительной езды на велосипедах хотелось расслабиться, немного передохнуть. Поэтому следующая наша мысль показалась ещё интереснее: «А если идти под парусом?»

Юра Сенчик соображал не так быстро, как Макаров, но руки у него были умелые. Он водрузил

шест в центр лодки, накрест к нему примотал одно из наших «вёсел», к концам которого бечёвками привязали байковое одеяло – одно из тех, что взяли для ночлега.

Самодельный парус моментально наполнился ветром и начал вырывать «мачту» из рук. Пришлось вдвоём держать и шест, и нижний конец одеяла. А третий из нас сидел на корме и подруливал оставшимся «веслом».

А что? Здорово получалось! И мы «понеслись», не зная толком особенностей Вуоксы. Река эта далеко не простая – целая водная система, соединяющая вереницы озёр. Мы не сразу поняли, что играем с огнём. Точнее, с непредсказуемой водной стихией. К тому же дело происходило в начале мая, когда вода в реке была холоднющая, а по краям у берегов ещё сохранялись кое-где хрустящие, как колотый сахар, ледяные корки. Но скорость передвижения буквально заворожила.

Не остановило нас даже то, что мощный порыв ветра сорвал огрызки верёвки, которой одеяло было прикручено к концам перекладки. Тогда Юрка встал во весь свой немалый рост, раскинул руки, подобно Христу на кресте, и попытался удерживать самодельный парус. Пока хватило сил и руки его окончательно не заковенели. Тогда с сожалением свернули одеяло, разобрали «мачту» и предались воле волн.

Между тем уже начало смеркаться. Промёрзшие, усталые и голодные, мы ещё кое-как держались. Вдруг какой-то странный не то шум, не то гул заставил нас насторожиться. Он доносился оттуда, куда был направлен нос лодки, т.е. спереди по течению. Ощущение было такое, что мы приближаемся к Ниагарскому водопаду, причём достаточно быстро.

Но там, впереди, был не водопад, а лишь небольшие пороги, за которыми река широко разливалась и превращалась – с учётом плохой вечерней видимости – в невероятных размеров бурлящий водоём. Ветер там гулял свободно и гнал крупную волну, для которой борта нашей утлой плоскодонки не стали бы серьёзной преградой.

Попробовали выгребать назад, но ни сил, ни технических возможностей не хватало. Мы с Володей на вёслах напрягались изо всей мочи, Юрка тщетно пытался шестом дотянуться до дна. Но его всё не было.

Неожиданно шест начал за что-то цепляться и царапаться. На наше счастье, перед самым «устьем» возникла какая-то поросшая лесом Суша. Невероятными усилиями нам удалось зацепиться за неё. Лодка ткнулась носом в Землю, и мы почувствовали себя спасёнными.

Я не случайно пишу Землю с большой буквы, потому что достижение Суши, Земли для всех терпящих кораблекрушение, – а мы, по своему экстремизму и наивности, вполне попадали под эту категорию, – является самым желанным исходом.

Сапог у нас, летних велосипедистов, конечно же, не было. Чтобы не мочить ног, мы через нос лодки повыпрыгивали на берег, подтянули её, насколько смогли, вместе с велосипедами, достали рюкзаки и палатку. Не помню, чтобы мы что-то поели, но точно запомнил, что сил ставить палатку ни у кого уже не осталось. Мы просто растянули её по косо-гору, забрались туда, прикрылись своими тощими одеяльцами, сунули рюкзаки под голову и как по команде буквально вырубались, погрузившись в мертвецкий сон. Без сновидений.

Проснулись рано, наверное, в четыре-пять утра, дрожащие от холода. Не без труда выбрались из распластанной палатки и разбрелись в разные стороны. Почти одновременно всех нас троих буквально затрясло от смеха. Оказалось, что мы ночевали на островке размером эдак метров 10 на 10, если не меньше, с парой-тройкой деревьев, которые накануне в темноте приняли за лес. Удивительно, как мы в сумерках вообще не проскочили мимо.

Недалеке виднелось то самое озеро, в которое вливалась наша Вуокса. Но теперь, утром, мы всё видели уже в других красках. Страх не было, но требовалось срочно обогреться и поесть. Юра начал было разводиться костерок, как вдруг на том берегу, с которого мы начинали своё плавание, раздался лай собаки. Ей ответила другая, третья, и, к радости нашей, мы поняли, что поблизости находится деревня. Вчера мы её сумели как-то проскочить в темноте. Огней почему-то не было видно. Да мы на воде, упираясь как могли, не очень-то и глядели по сторонам.

Загрузили быстренько свои причиндалы обратно в лодку и спустили её на воду. Ветер частично спал, волнение улеглось. Теперь мы гребли назад, перебарывая течение реки, и через каких-нибудь полчаса напряжённой работы достигли наконец деревеньки.

Как она называлась, не запомнил. У неё поблизости была такая же соседка. Жители этих двух небольших селений имели традицию ходить друг к другу в гости по праздникам. Причём разобрались своеобразно: в одной из деревень праздновали советские праздники, в другой – православные. Например, Пасху уже отпраздновали у соседей, а на Первомай все собрались в нашей. И вот

мы «с корабля на бал» попали к хозяевам в самый разгар праздника.

Несмотря на все трудности и невзгоды той поры, – а начиналось лишь второе послевоенное десятилетие, и северные крестьяне, получавшие за свою работу в колхозах по трудодням гроши и копейки, едва ли могли сводить концы с концами, – хочу отметить две неожиданные, на первый взгляд, особенности. О первой, особо тёплом гостеприимстве русских людей, включая и все другие северные народы (карел, вепсов и пр.), много уже писано и говорено. А на вторую я обратил внимание именно тогда, когда мы, замёрзшие и изнурённые, были приняты в дом: столы были накрыты, и на них много чего лежало и стояло. Это не были деликатесы, но как закуска к самогону очень даже подходили. Из горячего была отварная картошка с мясной тушёнкой, которой хотя и немного было, но попадалась. А главное – местные разносолы: солёные и маринованные грибы и огурчики, квашеная капуста с клюквой. И хлеб. И стаканы с самогонкой – её характерный запах сразу бил в нос.

Вот к такому столу были допущены и мы, незваными гостями явившиеся ни свет ни заря перед хозяевами.

Всё бы ничего, попить да отогреться – дело благое. Мы своей безумной отвагой это как бы и заслужили. Но с нами был человек, у которого голова «варилась» не переставая, всё время, за исключением разве что сна. Уже сидя за праздничным столом, Володя Макаров вдруг предложил нам такой вариант: пусть один из нас, по жребью, в одиночку всё-таки пройдёт весь веломаршрут и отметится где следует. Зато двое других, поспрашивав с радушными хозяевами, перевезут его на другой берег, где было продолжение дороги, а сами поплывут на своём корыте к точке пересечения обратной дороги с Вуоксой.

Не пойму, как мы с Юркой, бывалые и тёртые в походных делах бродяги, могли вновь клонуть на очередную макаровскую авантюру.

Бросили жребий, кому ехать. Выпало мне. Хватило соображения не напиваться и срочно прекратить сабантуй. Мы поговорили с хозяевами, и мне тут же предоставили роскошные покои для сна, т.е. отвели в соседнюю комнату, уложили на кровать с мягкой подушкой, чем-то даже прикрыли и затворили дверь в столовую. Как только голова моя коснулась подушки, я сразу же и отключился.

Сколько проспал, не могу сказать точно, но временами из соседней комнаты всё же доносились голоса, в том числе и моих походных товарищей. Когда я окончательно проснулся и вышел в горницу, за столом сидела всё та же тёплая компания.

– Штрафную ему! – предложил кто-то.

– Штрафную! Штрафную! – громче всех кричали разомлевшие уже Юрка и Володя.

Налили мне чуть не полный стакан самогона. Пришлось пить всё разом, а потом закусывать.

– Ребята, не пора ли заканчивать? – ещё что-то соображая, через некоторое время поторопил я.

– Пора! Пора! – неожиданно легко согласились оба, и мы начали выбираться из-за стола.

Очень тепло попрощались с радушными нашими хозяевами и гостями, вовсе не надеясь больше с ними увидеться. Опять загрузились в лодку с велосипедами и – пьяному море по колено – оттолкнулись шестом от берега.

* * *

Тут, как можно догадаться, начинается самая драматическая, скорее даже трагикомическая, часть нашего путешествия. Три изрядно пьяных туриста в утлой плоскодонке пытаются без мотора и практически без вёсел преодолеть опасную широкую ледяную реку. На ней и путным-то лодкам подчас приходится туго.

Благо ветер оказался попутным, дул в спину, и мы непонятно как сумели-таки без особых приключений добраться до противоположного берега. Причём к той самой дороге, которая едва-едва виднелась из нашей деревни.

За время моего сна и праздничной пьянки решение разделить не изменилось. Меня высадили у продолжающейся, как и на карте, дороги, снабдив питанием и походными документами. Я сел на велосипед, а они, в дымину пьяные, должны были вдвоём сразиться с водной стихией, плывя по течению Вуоксы. Трезво рассуждая, я мог их больше никогда и не увидеть. Я же помахал им на прощание рукой и двинулся вперёд.

Проехав метров тридцать-сорок по извивавшейся лесной дорожке, я остолбенел: передо мной снова появилась вода. Хотя я и плоховато соображал, но сразу понял, что нахожусь на большом острове. А за рукавом Вуоксы вновь, как издевательство, виднелась дорога. Возможно, уже окончательно материковая. Без плавсредства туда, естественно, было не добраться.

Никакого желания оставаться Робинзоном на этом острове у меня не было. Я немедленно развернул велосипед на 180 градусов и рванул назад. Ведь если ребята далеко отплыли, они вряд ли смогут на своём судёнышке дотянуть до меня против течения.

То, что я увидел, возвратившись на берег, меня одновременно и успокоило, и удручило. Оказыва-

ется, Юрка и Володя всё это время безуспешно пытались оттолкнуться от берега. Шест сломался, лодка застряла у ледяной кромки, а большая волна, нагоняемая ветром, мешала любым маневрам.

Я рассказал ребятам о том, что мы оказались на острове.

– Не беда, – высказался неунывающий Володя Макаров. – Сейчас мы тебя обвезём вокруг острова.

Для начала нужно было хотя бы отойти от берега. Но сил для этого практически уже не осталось. К моему удивлению, первым сдался Сенчик. Он весь как-то съёжился, нахохлился, как большой петух, облокотился о борт лодки и задремал. К нему быстренько пристроился Володя и тоже отключился.

Что было делать? Хотя я, в отличие от них, проспал с утра на хозяйской кровати, но потом «догонял» их штрафными порциями, тоже решил последовать их примеру, найдя более-менее удобное положение в неудобной плоскодонке.

Часа, наверное, мы не проспали – сильно промёрзли. Зато протрезвели основательно. Проснулись почти одновременно. На трезвую-то голову положение наше выглядело совсем не радужным. Ни о каком плавании в своё удовольствие по большим волнам на нашей посудине уже никто не помышлял. Следовало попытаться обойти остров и всем троим высадиться на сушу, а дальше уже двигаться вместе на относительно безопасных велосипедах.

Для этого надо было как-нибудь выгрести против большой волны и сильного ветра, который теперь уже дул нам навстречу. На этот раз нам троем это удалось, но, когда отошли от берега, течение опять начало гнать нас в противоположную от острова сторону. Наконец мы поняли, что обойти остров в таких условиях нам не суждено. Оставалось побороться с течением и ветром и постараться вернуться на тот берег, с которого мы уже вторично отправились в плавание.

Оказалось, и это было почти на пределе человеческих сил. Наши вёсла-досочки плохо слушались нас и мало помогали. Лодку то подбрасывало на волне, то резко кидало вниз. Ветер легко перебрасывал гребень волны к нам через борт, и на дне лодки начала скапливаться вода. Причём она весьма быстро прибывала. Позднее, когда мы рассказывали об этой истории, у нас выходило, что колёса велосипедов наполовину были в воде. На самом-то деле – поменьше, но на четверть – как минимум.

Ситуация становилась критической. Ни ведра, ни даже банки в нашем снаряжении не было. Юра

догадался снять с ноги башмак и начал им отчерпывать воду. Мы с Макаровым своими мини-вёслами по-прежнему вели неравную битву с разыгравшейся Вуоксой. О том, чтобы выбросить за борт велосипеда, никто даже и не подумал.

При всей трагичности нашего положения мы, – надо признать по прошествии многих лет, – вели себя стоически. Напрягались по полной и не давали ход эмоциям. Главное – паникёров среди нас не оказалось. Вот от кого всем терпящим бедствие следует избавляться в первую очередь!

Медленно, почти незаметно, шаг за шагом, гребком за гребком, мы всё-таки приближались к спасительному берегу. Но нас сносило всё дальше от той деревеньки, где оставались радушные хозяева.

В таких случаях очень трудно оценивать время. Точно могу сказать: измерялось оно не минутами. Час ли, два ли, но продрогшие, с насковозь промооченными ногами (не только обувью, но и штанами), мы всё-таки сумели дотянуть до берега и выбраться на сушу.

А дальше наступил полный провал памяти. Не помню, как развели огонь, как сушились, как ставили палатку. Что-то, наверно, поели, частично согрелись, сколько-то даже поспали. Не исключая полностью, что мы могли даже вернуться в утреннюю деревню. Но это вряд ли: память не удержала ничего.

Зато утром мы были на ногах. Стало ясно: поход сворачиваем и на великах возвращаемся домой. Однако и тут не обошлось без происшествий. Не доезжая 30 км до города, случилось новое ЧП – лопнула шина на Юркином велосипеде. Возможности чинить не было, а на обочине далеко не уедешь. Поэтому пришлось ловить попутку. До города довёз нас на грузовике один из проезжавших водителей.

Так проходил и так закончился один из самых необычных наших туристских походов. Ни до, ни после этого мы никогда не напивались в пути, а потому весьма трезво оценивали свои возможности. Много в жизни каждого из нас ждало разных пертурбаций и проблем. Но такого экстрима, как говорится, на грани возможного, где-то между небом и водой, между жизнью и неизвестностью, никто из нас уже не переживал. Тогда за три дня мы хватили адреналина, пожалуй, больше, чем за все другие свои походы, вместе взятые.

С полгода назад в соцсетях я неожиданно натолкнулся на предостережение, которое один житель Приладожья сделал относительно коварной Вуоксы. Он сообщил, что весной ему удалось

спасти двух незадачливых рыбаков, чья лодка перевернулась. И ещё о трёх, которые здесь же погибли, поскольку помощи рядом не оказалось. Думаю, лодки у всех у них были посolidнее нашей.

* * *

Удивительно, но спортивные разряды за лыжный и велосипедный походы, совершённые в тот год, мы всё же получили. Неистощимый в своих проектах Володя Макаров вскоре направил по этому маршруту, но уже по надёжной железной дороге, своего младшего брата со всеми походными документами, на которые тому проставили печати и отметки о времени нашего предполагавшегося прибытия-убытия. И спорткомитет принял их к рассмотрению. Вот так!

Не зря же говорится: или большое удовольствие за малые деньги, или маленькое, но уже за большие.

ЦЕЛИНА

Эту историю я передаю, слегка отклонившись от хронологии.

Просто не хотелось отрывать спортивные походы 1958 года от предшествовавших и друг от друга.

Летом 1957 года почти сразу после экзаменов наш, теперь уже третий, курс 1-го ЛМИ в относительно полном составе был отправлен для участия в уборке урожая на целину. Пропустить мероприятие, о котором тогда говорила и пела вся страна, мы с моими закадычными друзьями-товарищами, конечно же, никак не могли. Пришлось пожертвовать спортивным лагерем, куда настойчиво приглашал меня тренер по боксу.

Нас разместили в нескольких товарных вагонах специального «казахстанского» состава. Помню, что ближайшими нашими попутчиками оказались лэтишники – студенты весьма престижного в те годы электротехнического института. Похоже, они готовились к целинной эпопее лучше нас. На нескольких вагонах у них уже красовались броско оформленные плакаты-слоганы с весьма заманчивыми рекомендациями: «Ешь, пока не посинеешь!», «Лучше переест, чем недоспать» и т.д. в том же духе.

Мы, ухмыляясь, прогуливались вдоль этих вагонов, не задумываясь о том, что нас всех ожидает на этой самой пресловутой целине. «Вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная...» – как звучало в одной из самых зазорных песен.

Вагоны-теплушки, в которых нас везли, были

оборудованы двойными нарами. Поэтому большую часть времени переездов мы проводили в горизонтальном положении. Это утомляло, хотя были предусмотрены частые и долгие остановки на некоторых станциях и даже в полях. Днём двери вагонов были настежь распахнуты, свежего воздуха хватало. Но почему-то многих не покидало ощущение нарастающего напряжения – ехали всё-таки в неизведанные края.

Вечером второго дня поезд должен был пересечь границу между Европой и Азией. Для меня лично это было в третий по счёту раз, для многих – первый. Чёрт меня дёрнул полушутя сказать, что с завтрашнего дня мы станем жителями Азии – следовательно, сделаемся азиатами. Один из сокурсников принял мои слова буквально и начал всерьёз возражать: дескать, какие же мы азиаты? Азиаты, мол, – это коренные народы (казахи, монголы, китайцы...). На что я резонно возразил:

– А как же сибиряки?

– Те, которые с Ермаком пришли? – вопросом на вопрос пытался парировать другой студент.

Но этим он раззадорил меня:

– Не только. Кто-то, например, перебрался туда во время войны, кто-то до неё или после. Скажем, год или полгода назад...

То, что произошло дальше, не поддаётся точному определению. Помните детские стихи Корнея Чуковского:

*А лисички взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли...*

Оказалось, что море действительно можно поджечь. Почти всех, кто был в нашем вагоне, встрянуло и завело. Похоже, каждый хотел высказать своё мнение по поводу «нас – азиатов». Одни поддерживали мою точку зрения, другие – их было побольше – моего оппонента. Часа полтора-два вагон гудел от споров. Только и разговоров было, станем мы азиатами или нет.

Азиатами, по большому счёту, мы, конечно же, так и не стали, хотя пробыли в совхозах Павлодарской области около трёх месяцев и вернулись в Ленинград лишь в начале октября. Зато хватило времени вдоволь надышаться и налюбоваться казахскими степями, накататься по бездорожью в кузовах грузовиков, поработать и на разноработах, и на току, освоить зернопульты. Познакомились мы и даже подружились с местными рабочими – бывшими зэками, условниками, которые там были, и шофёрами, и механизаторами.

Нутром постигали всю необъятность степных расстояний. «100 рублей – не деньги, 100 кило-

метров – не расстояние!» – любили повторять наши новые друзья-водители. Они же не раз предлагали:

– Поехали в Иртышск (или даже в Омск) за водкой!

А это уже побольше 100 км.

Носились, не разбирая дорог. Да их, собственно, почти не было. Поэтому техника не выдерживала, быстро рушилась и выходила из строя. Ремонтировать не успевали, старались поскорее заменить битые машины на новые. Такого огромного «кладбища автомобилей», причём исключительно грузовых, я никогда в жизни не видел.

Кое-кому из нас удалось даже соприкоснуться с бытом казахов. Мы, например, с Юрой Сенчиком побывали в казахской юрте, попили кумыса, попили казахского чая со сливочным маслом и чуть было не покатались верхом на местных необъезженных лошадях, которых любезно предложил нам молодой хозяин юрты. Хватило всё же ума вовремя остановиться.

Именно там, на целине, мы, будущие врачи, впервые осознали всю хрупкость и бренность земной жизни. Прямо на наших глазах сгорел один из студентов, которого определили раздатчиком бензина. В нарушение правил он закурил рядом с бензоколонкой. На беду, головка спички отломилась и упала на его пропитанный бензином комбинезон, который моментально вспыхнул. Понимая опасность, парень успел отбежать в сторону степи и превратился в горящий факел. Потушить огонь смогли, но спасти его, сильно обгоревшего, не удалось. Он прожил под капельницей не более суток. Срочно вызвали его мать, которой пришлось увозить с целины своего сына в закрытом оцинкованном гробу.

Другая смерть оказалась не менее трагичной. Перед уборкой урожая мы, т.е. бригада ребят нашей комнаты, около месяца отработали на погрузочных и строительных работах. Чаще всего мы ездили за кирпичом или лесом в Иртышск или Павлодар вместе с шофёром Юрой – хорошим, добрым, очень приветливым парнем.

Только представьте, днём были с ним в одной упряжке, а назавтра утром нам сообщают: «Он погиб!»

Оказывается, вечером после работы поехала группа условников куда-то за спиртным на двух или трёх машинах. Спиртное добыли, а заодно и выпили. Выпили, видать, не слабо. Наш водитель Юра говорит:

– Ребята, пьяный я вас не повезу. Остаёмся в степи!

– Оставайся, если тебе так хочется, – сказали ребята и буквально вытолкнули его из машины.

Он, как был, растянулся прямо на земле (дороги-то не было, ехали прямо по степи) и уснул мертвецки. Следующая за ними машина не заметила спящего и наехала на него.

С нами тоже произошло ЧП, которое могло стоить нам если не жизни, то переломанных костей – это точно. Нашей бригаде грузчиков надо было куда-то ехать. Шофёр подвёл машину и поставил её около глубокой квадратной ямы размером 1.5 метра на 1.5. Мы загрузились в кузов, встали, как обычно, у кабины. Ездить лучше было стоя – меньше трясло. Никаких оборудованных скамеек в кузове, конечно, не было.

Шофёр сел в машину, завёл её и «ударил по газам». Только вместо обратного хода рванул вперёд. Видимо, со своего места он ямы не заметил. Машина тут же правым колесом влетела в яму. Толчок и крен были настолько сильными, что одного из нас выкинуло на землю, а остальных раскидало в разные части кузова. Чудо, что вместо серьёзных травм мы отделались лёгкими ушибами.

Однажды меня самого при высадке из кузова едва не раздавила вторая подъехавшая машина. Шофёр умудрился поставить её почти вплотную к нашей. Благо, я успел вовремя прижаться к борту своего грузовика.

И такие ситуации нередко повторялись. Я бы назвал это безалаберностью, подбирая самое мягкое определение.

Помню, что вскоре после нашего прибытия в совхоз «Амангельды» и расселения в барачном доме смертью храбрых чуть было не пал наш товарищ по комнате и бригаде Слава Никонов. Вечером он ошибся дверью и неожиданно зашёл к соседям-механизаторам. У них был сабантуй.

– А-а, студент! – сразу определили они. – Заходи, садись!

Славу действительно трудно было с кем-то спутать: типичный интеллигент-очкарик. Как Шурик в фильмах Гайдая, только чуть пожиже, потоньше.

– Выпей с нами! – предложили хозяева комнаты. От выпивки наш интеллигент отказываться не привык. Выпил. Налили ещё.

То ли выпил много, то ли закуска была слабовата, но к нам в комнату его вернули уже серьёзно набравшимся. Ночью ему стало совсем плохо: крутило, рвало.

Когда утром мы собирались на работу, Слава лежал под одеялом бледный как смерть. Языком не ворочал, а глаза смотрели куда-то вверх тускло и жалостливо, словно прощаясь. Рядом сидела его подружка и будущая жена Татьяна, тоже наша сту-

дентка, почти такая же бледная, и периодически меняла ему влажные повязки на лбу. Очень трогательная была сцена, хоть картину пиши: «Сестра милосердия у постели отходящего».

К счастью, парню удалось оклематься, и через пару дней он снова влился в нашу боевую бригаду.

Зато какие задушевные песни, чаще под гитару, а иногда и «а капелла», пели наши новые друзья, когда по вечерам заходили к нам в гости. Помнится, особенно трогательным было исполнение Серёжи-мордвина и Виктора Удалова.

Например (*забористо*):

*На последнюю пятёрку
Нанял тройку лошадей,
Дал я кучеру на водку:
«Эй, погоняй, брат, поскорей!»*

И припев:

*Кого-то нет, кого-то жаль,
К кому-то сердце рвётся в даль...*

*Я вам скажу один секрет:
Кого люблю, того здесь нет.
Я вам скажу секрет другой:
Кого люблю, тот будет мой!*

Или (*сурово-грустно*):

*Как бы ни был мой приговор строг,
Я вернусь на любимый порог,
И, тоскуя по ласкам твоим,
Я в окошко к тебе постучу...*

За это мы им всё прощали!

Наконец, там же, уже в тёмных осенних ночах, нам пришлось столкнуться с настоящей мистикой: в конце сентября одна из половин неба каждую ночь начинала вдруг светиться разноцветными бликами. Они медленно передвигались, переливаясь разноцветьем: синим, зелёным, красным... Мы, разинув рты, выходили из своих домиков любоваться необыкновенным сиянием. Так продолжалось около недели, пока для нас не подготовили специальный железнодорожный состав для отправки домой.

В одной из центральных газет чуть позже мне попала небольшая заметка о необычных ночных огнях над Казахстаном. Было пояснение, что это редкое в южных краях явление сродни северному сиянию. Уже ближайшей зимой мне довелось видеть настоящее северное сияние на Кольском по-

луострове во время лыжного агитпохода. То сияние со светловато-зеленоватыми сполохами по всему небосводу было совсем другого рода. И тайна павлодарских свечений надолго оставалась для меня неразгаданной.

Но память об этом сохранялась. Через какое-то время я стал замечать, что некоторые из моих сокурсников начали как-то преждевременно уходить из жизни: один – от раннего инфаркта миокарда, другой, крепкий, спортивный – умер от саркомы, третий – от лейкоза («белокровия»). У одной из бывших студенток выявили злокачественную опухоль головного мозга, у другой – резкое снижение иммунитета. Все они, по моим наблюдениям, в прошлом были целинниками.

От банального воспаления лёгких (пневмонии) неожиданно скончался мой друг и напарник по походам Юрий Сенчик, человек закалённый и сильный. По словам его жены, до этого был практически здоров.

Одно связалось с другим неожиданно, но закономерно. На 30 с лишним лет засекреченные сведения наконец-то проявились. И мистика тут оказалась ни при чём: в двадцатых числах сентября 1957 года на Чебаркульском атомном хранилище «Маяк», что под Челябинском, произошла страшная авария, сродни Чернобылю, хотя и на порядок меньше. Огромные территории в Зауралье оказались под воздействием радиации, но, в отличие от Чернобыля, властям удалось долго держать это в секрете. Нам ещё «повезло», что вскоре отправили домой, но «дозу» мы все, естественно, получили. Никто нас не проверял, не дозиметрировал и не брал на учёт. В качестве реабилитации позитивную роль могло сыграть лишь непомерное употребление спиртного, чем мы в дороге и некоторое время по возвращении в Питер с удовольствием занимались.

Когда я уже понял и сопоставил факты, всё встало на свои места: и свечение, и болезни. Как-то, много позднее, довелось мне беседовать с одним из профессиональных ликвидаторов-чернобыльцев. Рассказав ему нашу историю, я спросил:

– А было ли такое свечение в Чернобыле?

– Свечение воздуха и треск были там не только ночью, но и днём, – сказал он.

Действительно, такое уже не скроешь и не засекретишь! Зато всем нам были выданы памятные значки: «Участнику уборки урожая на целине в 1957 году». Вот так.

* * *

В конце семидесятых годов огромным тиражом была издана книжка Л.И.Брежнева «Целина». Немедленно Секретариатом ЦК была спущена разнарядка о необходимости безотлагательно изучить её в госучреждениях, на предприятиях и в учебных заведениях. Я в тот период находился на службе в Министерстве здравоохранения Карелии, причём был не только главным терапевтом, но и секретарём парторганизации. На очередном политсеминаре мы вне плана должны были разобрать эту «основополагающую» работу.

Я решил взять это на себя и провести занятие не по трафарету. Нашёл сохранившийся знак целинника, прицепил его к пиджаку. О новом «труде» генсека я говорил недолго, не более 5-7 минут. Остальное время посвятил рассказу о нашем студенческом пребывании на целине в 1957 году. Примерно о том, о чём поведал в данном очерке. Только о Чебаркульской аварии ещё не было известно.

Оказалось, что мои воспоминания не оставили слушателей равнодушными, и многие из них по окончании подходили ко мне со словами благодарности за живой рассказ очевидца вместо сухо-го книжного изложения.

БРОСОК НА ЮГ

Название этой главы позаимствовано у Константина Паустовского.

Если лето 1957 года, да и часть осени мы провели в Казахстане, на целине, то следующее лето 58-го года началось с работ на мелиорации в одном из районов Ленинградской области. Махали топорами, вырубая поросшие кустарником и молодыми деревцами полосы, рядами проходящие через нескончаемые болота. Малосбыточная идея серьёзных вмешательств человека в экологию и желание осушить эти болота, превратив их в плодородные поля, подогревались партийными решениями и постановлениями тех лет, но, опять же, нуждались в дешёвой рабочей силе. Где же её и брать-то, такую дешёвую, почти даровую, как не из студенческой молодёжи. Знаменитые стройотряды, основанные на хозрасчёте, появились позже. А в наше время преобладал голый энтузиазм.

Парни рубили ветки, а девушки в одиночку или вдвоём оттаскивали их в сторону, складывали в кучи. Оставалось только подсушить их и пожечь, чем мы сами не занимались.

Такой активный отдых в течение последних лет помогал снять стрессовое напряжение от утомительных занятий и изнуряющих сессий, но и сам нуждался в восстановлении затраченных сил. Не удивительно, что часть наших мелиораторов захотела отдохнуть на юге и собралась коллективно ехать не то в Молдавию, не то на Украину.

Меня это почему-то вовсе не заинтересовало. Хотелось чего-то большего, нового, необычного. Выросший на романтической литературе Джека Лондона, Паустовского и Грина, я решил в одиночку двинуться к морю, а именно – к Чёрному.

Это сейчас почти каждый малыш может похвастаться тем, что был на Адриатике, Атлантике, а то и в районе Индийского или Тихого океана. А наше поколение детей войны не могло даже помечтать об этом. Но если желание нарастало, то шло уже через все преграды. Сколько-то денег в летнем совхозе я всё же заработал. Отец, у которого в то время были серьёзные проблемы со здоровьем, смог добавить ещё два раза по столько. Дорога покрывалась, и если действовать экономно, то можно было отправляться в путешествие.

Опытные любители южного отдыха предупреждают, что начинать знакомство с Черноморьем надо обязательно с Крыма и только потом перебираться на более экзотическое Кавказское побережье. У меня, однако, план определился обратный, поскольку через три недели в Ялту собирался ехать Шурик со своей женой Галей. Там мы должны были встретиться и какое-то время находиться вместе.

Поэтому я начал «с козырей», взяв билет от Ленинграда до Сочи. Поезд пришёл ночью. Я сдал рюкзак в камеру хранения и, разузнав дорогу, двинулся к морю. Если кто-то из читателей страдал (или даже до сих пор страдает) романтизмом, то сможет понять моё состояние, когда в чёрную летнюю ночь я попал на долгожданный морской берег. Огоньки светились вокруг, волны с плеском и шуршанием накатывали на сочинские камешки, загадочно мерцали и переливались в лунном отражении. Всё внутри меня замирало от удивления и радости этой встречи.

Так я просидел у моря до самого утра. А утро, как и положено, всё возвращает к реальности. Одет я был ещё по-дорожному, побриться не успел (на небритых мужчин моды тогда не было), а главное, был коротко пострижен. Тогда так ходили только уголовники, а мы почему-то с Юркой Сенчиком перед мелиорацией решили стричься наголо. За месяц волосы отрасли, конечно, не успели. Зато милиционеру я сразу же приглянулся. Он решил, видимо, что сейчас задержит опасного бродягу.

Пришлось показывать документы и объяснять, что я студент из Ленинграда.

Однако связываться с милицией больше желания у меня не было. Поэтому я переоделся, надел дешёвенькие тёмные очки и какую-то летнюю кепчонку. Жильё нашёл подальше от центра, со стороны Адлера, и начал планомерно осваивать главный курорт страны.

Каждое утро я сразу шёл на пляж, купался. Если народу было немного, то там же делал разминку. Покупал на мини-рынке банку мацони, один помидор и ещё тёплый кукурузный початок. Это была мой ежедневный завтрак. Загорал, ещё купался и к жару убирался с пляжа. Обычно устраивался в каком-нибудь сквере или в Сочинском дендрарии. Обедал в столовых, причём брал всегда только одно блюдо: или суп, или второе. Иногда баловал себя фруктами или ягодами. Ужин у меня часто бывал вегетарианским: овощное рагу, сырники или оладьи.

– Не жирно! – скажет внимательный читатель.

Что «не жирно», то не жирно, согласен. Так к жирному-то я не очень и привык. Мать готовила хорошо, но избытка в семье у нас не было. Да и время было трудное.

Год назад, вскоре после моего возвращения с целины, мама ушла из жизни. Ушла внезапно – в больном сердце у неё образовался тромб, отрыв его привёл к тромбоэмболии в мозг и обширному инсульту. Мы остались одни, четыре мужика: дед-блокадник с уже перенесённым инсультом, четырнадцатилетний школьник Юра, я и отец, который после смерти матери сам начал подолгу болеть. Кстати, история его последующей жизни сама заслуживает отдельного описания, поскольку он позднее так сумел восстановиться, что едва не дожил до своего столетия. Но об этом стоит поговорить уже в другом разделе воспоминаний. Просто, чтобы было понятно: баловать нас разносолами было некому.

Но, поверьте, я не голодал, тем более во время жары и отсутствия больших нагрузок.

А вот один из моих знакомых, тоже без лишних средств, но с большими авантюрическими наклонностями, рассказывал, как он питался во время своего вояжа по южным курортам через два-три года после моего «турне».

– Представь себе, питался я исключительно в ресторанах. Заходил со служебного входа, находил администратора или директора и говорил: «Здравствуйте, я студент из Ленинграда. Остался совершенно без денег, два дня ничего не ел. Согласен на любую работу, только накормите меня». Обычно получал ответ: «Работы для вас у нас сей-

час нет, но накормить – накормим». И кормили, как правило, очень хорошо. А я, в благодарность, рассказывал им всякие занимательные байки о своих путешествиях. На следующее «питание» выбирал уже другой ресторан. Важно было не повторяться!..

Нет, такими фокусами я не занимался. Для меня главным было выполнить намеченный план, не обращаясь за дополнительной помощью к отцу. Похоже, это мне удалось.

Несмотря на ограниченность в средствах, совершил экскурсии в Хосту (в самшитовую рощу), Мацесту, в горы, включая Ахун-гору, и на фантастическое по красоте озеро Рица. Даже покатался по нему на катере. Позднее было о чём вспоминать!

Следующим моим пунктом был Новый Афон в Абхазии. Поселился на окраине, в Агараки. Койка моя стояла на террасе. Спалось прекрасно. С хозяином поднялся на Иверскую гору к развалинам Анакопийской крепости. Вид сверху потрясающий, чуть не на всю Абхазию. Но знаменитый Новоафонский храм был ещё разрушен, пещера не функционировала.

Познакомился с тремя симпатичными молодыми москвичами: высокий, стройный Игорь, его сестра и её подруга. Они снимали комнату в этом же доме. Вместе с ними ходил на пляж, с удовольствием плавал в чистом прозрачном море и валялся на горячей гладенькой гальке.

Не буду отрицать, здесь мне понравилось гораздо больше, чем в Сочи. Да и москвичи отговаривали от дальнейших путешествий, но внутренний голос звал вперёд. Через 4 дня я автобусом доехал до Сухуми. План был таков, чтобы на завтра на теплоходе «Адмирал Нахимов» отплыть в Крым. Успел сходить в Обезьяний питомник, понаблюдать за павианами.

Ночевать решил в парке, прилёг на скамейку и задремал. Разбудил меня какой-то местный подвыпивший бродяга:

– Парень, ты что, не понимаешь, где ты? Тут ходят по ночам, всего оберут!

– Так у меня и братья-то ничего!

– Всё равно. Советую, иди на вокзал, там спокойнее.

Вот так разбиваются иллюзии. Пришлось ночью тащиться на вокзал. Подумал: «Может, ему самому скамьи не хватило?» А на следующий день к вечеру я уже был на огромном шикарном лайнере, правда, на верхней палубе, в четвёртом классе. Спал здесь же на скамейке, спокойно, рюкзак под головой. Только слишком свежо.

Сутки мы шли вдоль Черноморского побережья. Теперь я все красоты (и растительность, и горы, и курорты) наблюдал со стороны моря. Впечатлило! Тем более что осуществлялась моя детская мечта о морском плавании. С сожалением позднее узнал о трагической аварии на «Адмирале Нахимове».

А следующим днём прибыли в Ялту. Оказалось, Гореловы туда приехать не сумели, и мы с братом в Крыму так и не пересеклись. Несмотря на многие достоинства Шурика, обязательность не была ему присуща. Как правило, он всегда долго собирался и всё равно часто опаздывал. Но я уже привык путешествовать в одиночку.

Опять снял недорогую койку, на этот раз прямо в саду. К моей радости, Крым после Кавказа всё равно произвёл на меня колоссальное впечатление. Изрезанность береговой линии, более скудная, но и более суровая природа (сосны, кедры, можжевельники), удивительные горные и морские пейзажи просто очаровывали. И какой-то особенный крымский воздух. Я сразу понял: это моё! Именно с этого момента началась моя длительная и беззаветная любовь к Крыму. Нет-нет и я всегда возвращался к нему. Но об этом я ещё расскажу.

А в тот раз я начал изучать красоты окрестностей Ялты. Чаще всего на пароходиках я отправлялся в разные стороны, то в Алупку, то в сторону Алушты. Взял за правило: везде, где бы ни находился, искупаться в море. Злую шутку сыграло со мной взморье у Никитского Ботанического сада. Меня как-то не очень смутило отсутствие купающихся,

которых всегда и везде так много. Я разделся и осторожно вошёл в море. Осторожность не помешала – всюду было много различного размера острых камней. Зашёл всё-таки, поплавал, а когда повернул назад, понял, что попал в западню. Камни торчали в воде невидимками. Пришлось плыть по-собачьи, впереди рукой проверять, нет ли каменной ловушки. Не пойму даже, как удалось выбраться на берег целым и невредимым, не переломав и не распоров ни рук, ни ног.

Обратно я уезжал через Симферополь, причём успел съездить в Бахчисарай. Дворец ханский в этот день был закрыт, но я особо не переживал, вышел подальше в степь. Вот где почувствовал наконец покой и умиротворение. Почти как в казахской степи годом ранее. Лёг на спину, смотрел в голубое небо, а в голове почему-то зазвучали пушкинские слова: «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...» Почему именно эти строчки, не могу объяснить. Видимо, совпала ритмика стиха с ритмами бахчисарайского пригорода.

Возвращаться домой решил через Москву, где успел побывать на ВДНХ – тогда об этом много говорили и писали.

Фото предоставлены автором

Сергей ДАВЫДОВ

родился в Ленинграде, но с 1961 года живет в Петрозаводске.

50 лет преподавал терапию студентам медицинского факультета

Петрозаводского университета.

В 1974 – 1981 гг. – главный терапевт Карелии.

На пенсии с 2021 года.

Заслуженный работник здравоохранения РК,

кандидат медицинских наук, доцент.

Автор книг «Коварные болезни» (1987),

«Азбука питания для похудения» (2000),

«Очерки практической кинезотерапии» (2015),

«Дачная жизнь и здоровье» (2021).

В журнале «Север» публикуется впервые.

